E 102/222

Значеніе
литературной дѣятельности
И. А. КРЫЛОВА.

В. З. Штепенко.

Керчь.
Скоропечатная Типо-литографія Х. Н. Лаго и К° (б. Холева).
1894.

Значеніе

литературной дѣятельности

И. А. КРЫЛОВА.

В. З. Штепенко.

Керчь.
Скоропечатная Типо-литографія Х. Н. Лаго и К⁰ (б. Холева).
1894.

М.П.М.

Дозволено цензурою. Одесса 29 Ноября 1894 года

18623-0
2010515028

Значеніе литературной дѣятельности И. А. Крылова.

(Рѣчь, произнесенная въ Керченской Александровской гимназіи 9 Ноября 1894 г.).

Сегодня исполнилось ровно пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти И. А. Крылова. Русское общество, обнаружившее въ послѣднія десятилѣтія особенное вниманіе къ тѣмъ свѣтлымъ явленіямъ своего прошлаго, которыя наиболѣе помогали развитію его сознанія, не могло не вспомнить и о своемъ знаменитомъ баснописцѣ въ пятидесятую годовщину его смерти. Но нынѣшнее чествованіе Крылова, на которое скромно откликнулись и мы, всѣ здѣсь собравшіеся,—не первое: оно—болѣе или менѣе отдаленное эхо тѣхъ крыловскихъ праздненствъ, первымъ изъ которыхъ былъ пятидесятилѣтній юбилей литературной дѣятельности нашего баснописца 2-го февраля 1838 года. На этомъ праздникѣ семидесятилѣтній юбиляръ—маститый «дѣдушка» Крыловъ увѣнчанъ былъ лавровымъ вѣнкомъ и съ небывалымъ дотолѣ въ Россіи единодушіемъ былъ признанъ геніальнымъ русскимъ писателемъ. Жуковскій, обратившись къ нему во время обѣда съ рѣчью, сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «благодаримъ васъ за нашихъ юношей прошлаго, настоящаго и будущихъ поколѣній, которые съ вашимъ именемъ начинали и будутъ начинать любить отечественный языкъ, понимать изящное и зна-

комиться съ чистою мудростію жизни». Пятьдесятъ шесть лѣтъ, протекшихъ со времени перваго крыловскаго юбилея, ясно показали, что благодарность Жуковскаго отъ лица будущихъ поколѣній не была риторической фразой: въ 1855 году русское общество почтило Крылова открытіемъ ему памятника въ Петербургѣ; 2-го февраля 1868 года оно торжественно чествовало память баснописца по поводу столѣтія его рожденія и сегодня многіе русскіе люди вспоминаютъ его по поводу полувѣковой годовщины его смерти. Это живое, неизсякающее чувство благодарности къ Крылову въ цѣломъ рядѣ поколѣній; неувядаемая свѣжесть его басенъ, которыя и въ наше время, несмотря на измѣнившіеся литературные вкусы и понятія общества, остаются все тѣми же интересными, увлекательными и поучительными произведеніями, какъ и много лѣтъ тому назадъ; наконецъ, все возрастающій въ нашемъ отечествѣ спросъ на нихъ, вызывающій многочисленныя ихъ изданія въ огромномъ количествѣ десятковъ и сотенъ тысячъ экземпляровъ,—все это даетъ намъ полную увѣренность, что слава Крылова, выражаясь словами кн. Вяземскаго,— «наша быль»: не вымыселъ нашего національнаго самолюбія, не самообманъ, не увлеченіе, а нѣчто реальное, несомнѣнное, прочное.

«И не забудутъ этой были,
Пока по-русски говорятъ:
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердятъ.»

Въ чемъ же состоятъ литературныя заслуги Крылова? Что создало ему такую долговѣчную память въ потомствѣ?

Если-бы не было вполнѣ яснаго отвѣта на эти вопросы въ исторіи русской литературы, если-бы мы сами не читали басенъ Крылова, то насъ-бы могъ удивить скромный, по видимому, совсѣмъ незначительный отвѣтъ, что громкая слава Крылова—въ его басняхъ и только въ басняхъ,—въ

этихъ маленькихъ, забавныхъ литературныхъ произведеніяхъ, какъ—будто и созданныхъ только для развлеченія дѣтскаго, неразвитаго ума. Многіе такъ и смотрятъ на басню, какъ на бѣдный, фальшивый родъ поэзіи, не удовлетворяющій потребностямъ широкаго поэтическаго творчества. Но въ томъ-то и дѣло, что геній писателя не подчиняется какимъ-либо теоретическимъ указаніямъ: онъ ищетъ собственныхъ, оригинальныхъ, болѣе всего, такъ сказать, соотвѣтствующихъ его природѣ средствъ для творческой дѣятельности, и часто то, что намъ кажется ничтожнымъ, неудобнымъ, ложнымъ, прекрасно приспособляетъ для достиженія своихъ цѣлей. Лучшимъ доказательствомъ этой мысли служитъ литературная дѣятельность Крылова. «Выбралъ онъ себѣ, говоритъ Гоголь, форму басни, всѣми пренебреженную, какъ вещь старую, негодную для употребленія и почти дѣтскую игрушку,—и въ сей баснѣ умѣлъ сдѣлаться народнымъ поэтомъ». Но выбиралъ онъ ее, прибавимъ отъ себя, очень долго: исключительно баснописцемъ Крыловъ сдѣлался на 39-мъ году жизни; во весь же предшествующій, болѣе, чѣмъ двадцатилѣтній, періодъ своей литературной дѣятельности, онъ лишь искалъ настоящей дороги своему таланту. Въ какихъ только родахъ литературы не испытывалъ онъ своихъ силъ—и въ ложноклассической лирикѣ, и въ оперныхъ либретто, и въ трагедіи, и въ комедіи, и въ сатирическихъ журнальныхъ статьяхъ!

Какъ извѣстно, 15-ти лѣтъ отъ роду Крыловъ написалъ оперу «Кофейница,» а спустя четыре года, увлекшись театромъ, сочинилъ двѣ трагедіи: «Клеопатра» и «Филомела». Но всѣ эти пьесы—не болѣе, какъ ученическія упражненія въ писательствѣ, и никакого литературнаго значенія не имѣютъ. «Филомела»—первое напечатанное произведеніе Крылова—не обратила на себя никакого вниманія ни критики, ни читателей и совсѣмъ не была допущена на сцену

недавно открытаго въ Петербургѣ общенароднаго русскаго театра. Молодой авторъ убѣдился, что трагедія — не его родъ, и никогда больше къ ней не возвращался. Написанная имъ впослѣдствіи піеса «Трумфъ» — ничто иное, какъ забавная пародія на ложноклассическія трагедіи. Послѣ «Филомелы» Крыловъ перешелъ къ журнальной дѣятельности, которая выразилась въ изданіи трехъ сатирическихъ журналовъ: «Почта духовъ» (1789 г.), «Зритель» (1792 г.) и «Санктпетербургскій Меркурій» (1793 г.). Лучшія сатирическія статьи въ этихъ журналахъ принадлежали самому издателю и пользовались большимъ успѣхомъ въ публикѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ запечатлѣны тѣмъ талантомъ, который впослѣдствіи нашелъ полное выраженіе въ басняхъ; таковы, напр., «восточная повѣсть» «Каибъ» и три «Похвальныя рѣчи» — 1-я — «въ память моему дѣдушкѣ», 2-я — «наукѣ убивать время» и 3-я — «Ермолафиду» (человѣку, привыкшему говорить глупости). Осмѣивая безпутность помѣщичьихъ нравовъ, праздность и пустоту жизни дворянъ, ихъ безчеловѣчное отношеніе къ крестьянамъ, литературное невѣжество,— словомъ, тѣ общественные пороки и недостатки, которые такъ любила бичевать сатира екатерининскаго времени, авторъ доходитъ въ названныхъ статьяхъ до такой простоты и непринужденности въ развитіи содержанія, такъ живо рисуетъ комическія стороны описываемыхъ явленій, такъ тонко и ѣдко остроуменъ, что статьи эти и теперь читаются съ интересомъ. Недаромъ онѣ внушили Плетневу, лучшему біографу Крылова, мысль, что этотъ послѣдній, «навсегда ограничившись впослѣдствіи баснями, опрометчиво сошелъ съ поприща счастливаго нравописателя.» Трудно, конечно, судить о томъ, что могъ-бы сдѣлать Крыловъ, не сходя съ этого поприща; но если-бы онъ удовлетворился пріобрѣтенною у своихъ современниковъ извѣстностью сатирика-нравописателя, онъ не былъ-бы для насъ тѣмъ, чѣмъ онъ

сдѣлался въ качествѣ баснописца. Его журнальная сатира, несмотря на всѣ свои достоинства, все-таки имѣетъ только временное, историческое значеніе. Оно и понятно: слишкомъ много въ ней скоропреходящихъ злобъ дня, слишкомъ много тѣхъ случайныхъ настроеній, которыя порождаются разнообразными потребностями даннаго историческаго момента. Отвѣчая на эти потребности, сатирикъ-журналистъ не въ состояніи уловить тѣ типическія формы жизни, изображеніе которыхъ способно удовлетворить художественное его чувство и дать долговѣчность его произведеніямъ. Великій художникъ по натурѣ, Крыловъ, вѣроятно, инстинктивно чувствовалъ, что съ своимъ талантомъ онъ способенъ сдѣлать нѣчто большее, чѣмъ то, что онъ сдѣлалъ. И вотъ, оставивъ журнальную дѣятельность, онъ снова обращается къ театру и пишетъ для него двѣ оперы: «Бѣшеная семья» (1793 г.) и «Илья Богатырь» (1807 г.) и четыре комедіи: «Проказники» (1793 г.), «Сочинитель въ прихожей» (1794 г.), «Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ» (1807 г.) Но изъ этихъ шести піесъ только двѣ послѣднихъ имѣютъ нѣкоторыя достоинства и пользовались успѣхомъ на сценѣ; остальныя же отличаются такими крупными недостатками—и въ развитіи дѣйствія, и въ изображеніи характеровъ, и отчасти даже въ языкѣ,—что просто не вѣрится, что ихъ писалъ Крыловъ, обнаруживший уже недюжинное писательское дарованіе въ журналахъ и имѣвшій образцемъ знаменитую комедію «Недоросль».

Остается еще сказать два слова о мелкихъ стихотворныхъ произведеніяхъ Крылова, относящихся къ первому періоду его литературной дѣятельности. Это—большею частію подражанія извѣстнымъ русскимъ стихотворцамъ. По выраженію Плетнева, стихотворенія Крылова «еще не сбросили съ себя чопорнаго убранства прошедшаго вѣка.» Правда, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ изрѣдка встрѣчаются простота и ес-

тественность въ выраженіи мыслей и чувствъ, крыловская игривость ума и тонкая иронія; но въ общемъ они не переходятъ за черту тогдашней стихотворческой посредственности.

Такимъ образомъ, испытывая свой талантъ въ разнообразныхъ родахъ литературы и не удовлетворяя ни однимъ изъ нихъ ни своего художественнаго чувства, ни авторскаго честолюбія, Крыловъ прожилъ до 1806 г. Въ этомъ году проѣздомъ изъ Саратовской губерніи въ Петербургъ онъ остановился въ Москвѣ и здѣсь познакомился съ извѣстнымъ баснописцемъ Дмитріевымъ. «Желая войти съ нимъ, говоритъ Плетневъ, въ такія сношенія, которыя-бы касались предмета, для нихъ обоихъ равно занимательнаго», Крыловъ перевелъ двѣ басни Лафонтена: «Дубъ и Трость» и «Разборчивая Невѣста». Дмитріевъ отозвался о нихъ съ большою похвалою и посовѣтовалъ ихъ автору серіозно заняться этимъ родомъ поэзіи. Крыловъ послѣдовалъ совѣту и, издавши въ 1807 году свои пьесы: «Модная лавка», «Урокъ дочкамъ» и «Илья Богатырь», занялся исключительно баснями, которыя вскорѣ и составили его славу.

Итакъ, только благодаря случайному знакомству съ Дмитріевымъ, Крыловъ понялъ свое истинное призваніе въ литературѣ—сатирика-баснописца. Между тѣмъ, это призваніе ярко обозначилось еще въ его журнальныхъ статьяхъ 1789 года, т. е. на 21-мъ году его жизни. Изображая въ «Почтѣ духовъ» разныя смѣшныя явленія русской жизни, главнымъ образомъ—безсмысленное пристрастіе современныхъ русскихъ женщинъ ко всему французскому, Крыловъ пользуется аллегоріями, очень напоминающими басню. Волшебникъ Маликульмулькъ получаетъ письма отъ гномовъ: Зора, Буристона и Вѣстодава, которые сообщаютъ ему о томъ, что дѣлается въ адѣ и на землѣ—между людьми. Изъ писемъ своихъ корреспондентовъ Маликульмулькъ узнаетъ, между прочимъ, что въ адѣ произошло необыкновенное событіе:

супруга Плутона Прозерпина во время своего полугодоваго пребыванія на землѣ—между людьми до такой степени увлеклась парижскими модами и веселою жизнію парижскихъ щеголихъ, что, возвратившись въ подземное царство, вздумала заводить новые порядки при дворѣ своего мужа на манеръ парижскихъ и тѣмъ произвела страшную суматоху между его подданными. Зора она немедленно послала въ Парижъ пригласить въ Плутоново царство «парикмахера, портнаго и купца съ галантерейными вещами». Затѣмъ, кое-какъ переодѣвши придворныхъ, она устроила балъ, на который были приглашены и судьи: Родомантъ, Миносъ и Эакъ. Увидѣвъ, какъ солидныя тѣни Александра Великаго, Цезаря, Помпея, Брута и др. отплясывали съ римскими весталками *галопадъ*, бѣдные судьи, забывъ всю свою важность и придворную благопристойность, такъ разсмѣялись, что заболѣли: «двое сошли съ ума, а третій оглохъ и не могъ выслушивать оправданій». Прозерпина начала доказывать Плутону, «что эти судьи, несмотря на ихъ поврежденіе, были еще годны для исправленія своихъ должностей, и что она, путешествуя по свѣту, никогда не видывала, что бы отставляли судей, у которыхъ повреждены мозговыя перепонки, или у которыхъ лопнули въ ушахъ тамбурныя кожицы». Но упрямый Плутонъ, не слушая ея оправданій, рѣшился посадить на мѣсто старыхъ новыхъ судей. «Въ этомъ намѣреніи, призвалъ онъ меня, пишетъ Буристонъ, и велѣлъ мнѣ какъ можно скорѣе летѣть въ свѣтъ и сыскать трехъ честныхъ и безпристрастныхъ судей, у которыхъ бы мозгъ былъ въ хорошемъ положеніи и которые притомъ не были бы глухи». Летая между людьми съ цѣлью выполнить данныя имъ порученія, Зоръ и Буристонъ производятъ свои наблюденія надъ обществомъ и подробно излагаютъ ихъ въ своихъ письмахъ къ Маликульмульку. Между тѣмъ, Плутонъ берется самъ за правосудіе, но дѣло у него совсѣмъ

не ладится. Видя это, Прозерпина совѣтуетъ своему супругу оставить на мѣстѣ прежнихъ судей, потому что «лучше имѣть какихъ-нибудь помощниковъ, нежели самому за всѣ дѣла приниматься». Такой совѣтъ поддержалъ и придворный танцмейстеръ: «Мнѣ кажется, сказалъ онъ, что хотя Миносъ, Родомантъ и Эакъ танцовать не умѣютъ, однако я признаюсь, что долговременная ихъ служба достойна уваженія, и всего важнѣе, что между ними есть сынъ Юпитеровъ, то, не обидя батюшки, намъ нельзя отставить сынка отъ мѣста; также, по слабости ихъ, нельзя имъ поручить и отправленіе важныхъ дѣлъ, не подвергнувъ ихъ тѣмъ замѣшательству; почему вамъ остается одинъ способъ, что-бы, оставя при нихъ прежнія ихъ достоинства, не давать имъ власти, и все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы приставить къ нимъ умнаго секретаря, который-бы, вмѣсто ихъ, разсматривалъ дѣла, а они бы подписывали то, что онъ имъ скажетъ». Хотя Плутонъ и одобрилъ умный совѣтъ танцмейстера, но все-таки на мѣстѣ ихъ не оставилъ, а устроилъ для нихъ особую богадѣльню.

Весь пересказанный мною отрывокъ изъ «Почты духовъ» не только своей аллегоріей близко подходитъ къ баснѣ, но и по темѣ, во второй своей части, есть первообразъ басни Крылова «Вельможа». Точно также басенный характеръ въ «Почтѣ духовъ» имѣетъ и то мѣсто, гдѣ разговариваютъ о своихъ преимуществахъ англійская шляпка, французскій токъ, покоевый (спальный) чепчикъ и блондовая косынка. Въ журналѣ «Зритель» напоминаетъ басню повѣсть «Каибъ», въ которой помѣщена и настоящая басня въ прозѣ о томъ, какъ полотно, на которомъ славный живописецъ написалъ Венеру, вздумало, что оно причиной всѣхъ восторговъ зрителей. «Паукъ, раскидывая на немъ сѣти для мухъ, вывелъ его изъ заблужденія. — Ты напрасно гордишься, полотно, сказалъ онъ: если бы не вздумалось славному художнику покрыть тебя блестящими красками,

то ты давно бы истлѣло, бывъ употреблено на обтирку посуды». Въ «Зрителѣ» же есть ясный намекъ на басню «Вороненокъ» съ ея заключеніемъ: «Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воришекъ бьютъ», а также и зародышъ одной изъ лучшихъ басенъ Крылова «Слонъ и Моська» въ слѣдующемъ размышленіи философа: «Ничто такъ не блистательно, какъ молодой человѣкъ, когда онъ шутитъ надъ важными вещами, не понимая ихъ. При всей мелкости своего ума, онъ тогда такъ милъ, какъ болонская собачка, которая бросается на драгунскаго рослаго капитана и хочетъ его разорвать, между тѣмъ какъ онъ равнодушно куритъ трубку, не занимаясь ея гнѣвомъ. Какъ мила и забавна смѣлость этой собачонки, такъ точно забавна смѣлость ума, когда огрызается онъ на вещи, передъ которыми онъ менѣе, нежели болонская собачка передъ драгунскимъ капитаномъ».

Приведенныя мѣста изъ журнальныхъ статей Крылова показываютъ, какъ естественно долженъ былъ совершиться его переходъ отъ прежней литературной дѣятельности къ баснямъ: эти послѣднія были только завершеніемъ его предшествующаго художественнаго развитія.

Еще въ молодости, въ журнальныхъ статьяхъ и отчасти въ комедіяхъ, Крыловъ подмѣтилъ много темныхъ пятенъ на фонѣ русской жизни; умнымъ и тонкимъ наблюдателемъ надъ нею онъ является и въ своихъ басняхъ. Предъявляя ей свои идеальныя требованія, онъ чутко относится къ ея ненормальностямъ и съ неподражаемымъ искусствомъ даетъ почувствовать эти ненормальности каждому. Какъ разнообразны явленія человѣческой жизни, такъ разнообразно содержаніе басенъ Крылова; прекрасное сравненіе поэта съ эхомъ, откликающимся на каждый звукъ въ природѣ, вполнѣ примѣнимо къ нашему баснописцу. Въ самомъ дѣлѣ, чего не найдете вы въ его басняхъ! Тутъ затрагиваются и религіозные, и нравственные, и умственные, и житейско-практическіе, и

общественные интересы людей. Трудно найти уголокъ человѣческаго житья-бытья, куда бы не загляну́ло зоркое око нашего, повидимому, простодушнаго, неподвижнаго «дѣдушки» Крылова. Вотъ лошадь молодая жалуется на глупость крестьянина, который засѣваетъ поле овсомъ, вмѣсто того, что-бы отдать его ей, или курамъ, или гнѣдому, или, наконецъ, просто спрятать его. Между тѣмъ овесъ тотъ осенью созрѣлъ, и крестьянинъ кормитъ имъ недовольную лошадь.

«Не такъ-ли дерзко человѣкъ—спрашиваетъ баснописецъ
О волѣ судитъ Провидѣнья,
Въ безумной слѣпотѣ своей,
Не вѣдая его ни цѣли, ни путей?»
(«Крестьянинъ и Лошадь».)

А вотъ вамъ и басня «Лань и Дервишъ», въ которой Крыловъ касается высокой, безкорыстной благотворительности. Лань лишилась дѣтей и, отдаваясь чувству матери, кормитъ своимъ молокомъ голодныхъ волчатъ.

«Такъ истинная благость—поясняетъ авторъ—
Безъ всякой мзды добро творитъ:
Кто добръ, тому избытки въ тягость,
Коль онъ ихъ съ ближнимъ не дѣлитъ».

Совсѣмъ иначе творитъ добро лисица, которая такъ краснорѣчиво и съ такимъ чувствомъ убѣждаетъ птицъ помочь несчастнымъ птенцамъ погибшей малиновки. Но какъ только они упали изъ гнѣзда, «тотчасъ она ихъ съѣла—и поученья не допѣла». По этому поводу Крыловъ замѣчаетъ:

«Кто добръ поистинѣ, не распложая слова,
Въ молчаньи тотъ добро творитъ;
А кто про доброту лишь въ уши всѣмъ жужжитъ,
Тотъ часто только добръ на счетъ другаго,
Затѣмъ, что въ этомъ нѣтъ убытка никакого».
(«Добрая Лисица»)

Вообще, внѣшнее благообразіе человѣка часто является маской, подъ которой скрываются самыя неприглядныя душевныя качества. Отъ принятія такого благообразія за основаніе оцѣнки человѣка Крыловъ и предостерегаетъ въ цѣломъ рядѣ басенъ. Поддѣльные цвѣты, какъ бы они ни были красивы, а они все-же поддѣльные («Цвѣты»); какъ ни разукрасила свой хвостъ ворона павлиньими перьями, а все-же не стала «украшеніемъ Юнонина двора» («Ворона»); паукъ недолго продержался на той высотѣ, на которую занесъ его орелъ, хоть чванился предъ нимъ и даже своей паутиной хотѣлъ ему заткать солнце («Орелъ и Паукъ»).

Разумѣется, чтобы узнавать людей, чтобы постигать тайныя пружины ихъ дѣйствій, нуженъ умъ, наблюдательность и опытность; недальновидный, неопытный, излишнедовѣрчивый человѣкъ вѣритъ словамъ и часто попадаетъ въ непріятное положеніе. Такова ворона, которая повѣрила сладкимъ рѣчамъ льстивой лисицы и уронила сыръ («Ворона и Лисица»). Не менѣе опрометчиво поступила и роща, повѣрившая дружескимъ увѣреніямъ слабаго огонька, пріютившая его подъ своими вѣтвями и въ концѣ концовъ дотла сгорѣвшая въ его объятіяхъ («Роща и Огонь»).

Вообще, Крыловъ недовѣрчиво относится къ людской дружбѣ. На что лучше друзей, какъ Полканъ и Барбосъ въ баснѣ «Двѣ собаки»,—настоящіе Орестъ и Пиладъ! но и ихъ дружбы хватило только до тѣхъ поръ, пока имъ поваръ, на бѣду, не кинулъ кости изъ кухни. Не лучше дружба и двухъ мальчиковъ Сени и Ѳеди. Сеня помогъ своему пріятелю взобраться на дерево полакомиться каштанами. Каштановъ на деревѣ было много: Ѳедя не только могъ самъ поживиться, могъ «и съ другомъ подѣлиться». Но вышло не такъ:

«Ѳедюша самъ вверху каштаны убиралъ,
А другу съ дерева бросалъ однѣ скорлупки».
(«Два мальчика»).

Вѣрный другъ, говорятъ, познается въ несчастіи. А вотъ какъ друзья помогли «крестьянину въ бѣдѣ». «Къ крестьянину на дворъ залѣзъ осенней ночью воръ» и такъ обобралъ его, что «хоть по міру поди съ сумою». «Крестьянинъ тужитъ и горюетъ, родню сзываетъ и друзей, сосѣдей всѣхъ и кумовей. —Нельзя-ли, говоритъ, помочь бѣдѣ моей»? Друзья любезные надавали тысячу полезныхъ совѣтовъ,— «кто сколько могъ, а дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ». Худо имѣть такихъ друзей, но неособенно хорошо, когда твой другъ и искренъ, и услужливъ, но слишкомъ ужъ глупъ, какъ медвѣдь въ баснѣ «Пустынникъ и Медвѣдь»: «услужливый дуракъ, говоритъ Крыловъ, опаснѣе врага». Глупость, соединенная съ самомнѣніемъ, особенно зло осмѣивается Крыловымъ. Такую глупость въ его басняхъ чаще всего обнаруживаетъ оселъ, эта «умная голова», какъ называетъ его лисица; припомните хоть прелестную басню «Оселъ и Соловей». Иной оттѣнокъ, чѣмъ въ ослѣ названной басни, имѣетъ самомнѣніе муравья («Муравей»). Оселъ уже пріобрѣлъ себѣ солидное общественное положеніе, и потому онъ не боится, какое впечатлѣніе произведетъ на другихъ его сужденіе о пѣньи соловья; мало того, онъ и не интересуется этимъ впечатлѣніемъ. Совсѣмъ въ другихъ условіяхъ проявляется самомнѣніе муравья: онъ еще не имѣетъ приличной общественной репутаціи, онъ—очень маленькое животное; вотъ почему и комизмъ его спесиваго въѣзда въ городъ на возу съ сѣномъ—иного характера. Но муравей все таки имѣетъ нѣкоторыя заслуги: онъ вѣдь большой труженикъ въ своемъ муравейникѣ; ошибка его только въ томъ, что онъ слишкомъ преувеличилъ ихъ значеніе. Совсѣмъ другаго свойства спесь бумажнаго змѣя, который на веревкѣ, «въ забаву для другаго», вѣкъ цѣлый летаетъ подъ облаками, и въ этомъ полагаетъ свое достоинство. («Бумажный Змѣй»).

Люди, имѣющіе истинныя заслуги, скромны; имъ нече-

го кричать о себѣ, за нихъ говоритъ само ихъ дѣло; люди же, кричащіе о своей дѣятельности на весь свѣтъ, въ сущности ни къ какому серіозному и полезному дѣлу не способны. Въ баснѣ «Двѣ бочки» именно отъ *пустой* бочки «по мостовой и стукотня, и громъ, и пыль столбомъ», тогда какъ бочка съ виномъ «безъ шуму и шажкомъ плететсѧ». Идеаломъ истиннаго труженика на общую пользу у Крылова является пчела. «Я, говоритъ она орлу,

... родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утѣшаюсь тѣмъ, смотря на наши соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть».

Такой труженикъ найдетъ себѣ похвалу и благодарность въ обществѣ, а не обезьяна («Обезьяна»), которая до изнеможенія трудится надъ чурбаномъ:

«то понесетъ его,
То такъ, то сякъ его обхватитъ,
То поволочетъ, то покатитъ»,—

равно какъ и не скворецъ, который вздумалъ пѣть «соловьинымъ ладомъ» и которому Крыловъ даетъ основательный совѣтъ — «пѣть лучше хорошо щегленкомъ, чѣмъ дурно соловьемъ» («Скворецъ»). Во всякомъ серіозномъ дѣлѣ нужно не только сознательное къ нему отношеніе, котораго не было у обезьяны, не только умѣнье, котораго не было ни у скворца, ни у четырехъ животныхъ, вздумавшихъ устроить извѣстный квартетъ («Квартетъ»), но и терпѣніе. А этого-то послѣдняго качества, къ несчастью, и не было у трудолюбиваго медвѣдя, который вздумалъ добывать себѣ средства къ жизни гнутьемъ дугъ: погубилъ Мишка много деревьевъ въ лѣсу, а ни одной дуги не сдѣлалъ. («Трудолюбивый Медвѣдь»). Подобные труженики развѣ не напоминаютъ бѣлки въ колесѣ («Бѣлка»)?

Передавая содержаніе басенъ Крылова, осмѣивающихъ

общечеловѣческіе пороки и недостатки, я намѣтилъ только наиболѣе значительныя по идеѣ и по объему группы этихъ басенъ, не касаясь многихъ, изображающихъ неблагодарность, клевету, зависть, чорствый эгоизмъ, жадность и многія другія нравственныя аномаліи. Не коснулся я также многихъ басенъ, имѣющихъ чисто практическій, житейскій интересъ, въ родѣ басенъ: «Тришкинъ кафтанъ» и «Прохожій и Собаки». Теперь перехожу къ баснямъ *общественнаго* характера.

Наиболѣе ранняя (1808 г.) изъ басенъ этой группы —басня «Обезьяны». Въ ней осмѣивается тотъ внѣшній, модный французскій европеизмъ, который продолжало усваивать русское общество и въ началѣ настоящаго столѣтія, несмотря ни на какія обличенія сатирической литературы XVIII вѣка. Иностранцы оставались образцами для подражанія. Они-же являлись и неизмѣнными воспитателями русскихъ дѣтей въ дворянскихъ семьяхъ; они нерѣдко занимали и наиболѣе вліятельныя мѣста въ правительственныхъ школахъ. Вотъ что писалъ мин. народ. просвѣщ. гр. Разумовскій въ своемъ докладѣ государю въ 1811-мъ году: «Всѣ почти пансіоны имперіи содержатся иностранцами, которые рѣдко бываютъ съ качествами для званія сего потребными. Не зная нашего языка и гнушаясь онымъ, не имѣя привязанности къ странѣ, для нихъ чуждой, они юнымъ россіянамъ внушаютъ презрѣніе къ языку нашему и охлаждаютъ сердца ихъ ко всему домашнему, и въ нѣдрахъ Россіи изъ россіянъ образуютъ иностранцевъ. Сего недовольно: и для преподаванія наукъ они избираютъ иностранцевъ-же, что усугубляетъ вредъ, воспитаніемъ ихъ разливаемый, и скорыми шагами приближаетъ къ истребленію духа народнаго». Эта историческая справка какъ нельзя лучше объясняетъ общій смыслъ басенъ Крылова о воспитаніи: «Воспитаніе Льва» (1811 г.), «Червонецъ» (1812 г.), «Крестьянинъ и Змѣя» (1813 г.), «Бочка» (1814 г.) и «Кукушка и Горлинка» (1817 г.).

Въ первой баснѣ высказывается высокая мысль, что «важнѣйшая наука для царей—знать свойства своего народа и выгоды земли своей». Конечно, эта наука необходима и для всякаго гражданина и состоитъ, иными словами, въ національномъ воспитаніи. Современное же Крылову общество, если и имѣло какое-нибудь понятіе о воспитаніи, то самое превратное. Коренныя свойства русской души, любовь къ родному совершенно забывались, а преслѣдовалась только одна цѣль—привить дѣтямъ возможно большее сходство съ европейцами. Такое воспитаніе, сообщая русскимъ людямъ «только блескъ пустой», по мнѣнію Крылова, «ослабляло ихъ духъ, портило нравы, разлучало ихъ съ простотой и навлекало на нихъ безславіе вмѣсто славы». Нашествіе наполеоновскихъ полчищъ въ Россію нисколько не отрезвило русскаго дворянства: оно по прежнему отдавало своихъ дѣтей въ руки иностранныхъ воспитателей, въ число которыхъ попали и многіе французскіе солдаты, оставшіеся въ Россіи послѣ войны 12-го года. Поэтому-то поводу Крыловъ и написалъ басню «Крестьянинъ и Змѣя», въ которой даетъ понять родителямъ, какъ они должны-бы относиться къ педагогическимъ услугамъ недавнихъ враговъ русскаго народа. Змѣя просится къ крестьянину въ няньки его дѣтей и увѣряетъ его въ своей полной благонадежности. Но онъ прогоняетъ ее, убѣжденный въ томъ, что «лучшая змѣя ни къ чорту не годится». Какое важное значеніе Крыловъ придавалъ первоначальному воспитанію дѣтей, видно изъ его басни «Бочка», смыслъ которой онъ самъ объясняетъ такъ:

«Старайтесь не забыть, отцы, вы басни сей:
Ученьемъ вреднымъ съ юныхъ дней
Намъ стоитъ разъ лишь напитаться,
А тамъ во всѣхъ твоихъ поступкахъ и дѣлахъ,
Каковъ ни будь ты на словахъ,
А все имъ будешь отзываться».

Часто родители, сдавъ своихъ дѣтей въ пансіоны или на руки гувернеровъ, считали свои родительскія обязанности покончеными. Такое воспитаніе, не согрѣтое любовью и участіемъ родителей, конечно, приводило къ тому, что, выросши, дѣти относились къ нимъ холодно, равнодушно, а то и съ презрѣніемъ. Что-же можно было сказать на жалобы легкомысленныхъ отцовъ и матерей, что ихъ не любятъ дѣти, какъ не то, что сказалъ Крыловъ въ баснѣ «Кукушка и Горлинка»? Кукушка жалуется, что дѣти не хотятъ ее знать, между тѣмъ какъ всѣ материнскія заботы ея о нихъ выразились только въ томъ, что она яйца свои въ чужія гнѣзда клала.

«Отцы и матери! восклицаетъ Крыловъ: вамъ басни сей урокъ.
Я разсказалъ ее не дѣтямъ въ извиненье:
Къ родителямъ ихъ непочтенье
И нелюбовь — всегда порокъ;
Но, если выросли они въ разлукѣ съ вами,
И вы ихъ ввѣрили наемничьимъ рукамъ—
Не вы-ли виноваты сами,
Что въ старости отъ нихъ утѣхи мало вамъ?»

Выше было сказано, что осмѣиваемое Крыловымъ воспитаніе русскихъ дѣтей имѣло одну цѣль—придать имъ возможно большее сходство съ европейцами. Но это сходство не шло дальше моднаго европейскаго платья, болтовни на французскомъ діалектѣ, французской фривольности въ нравахъ, моднаго вольнодумства и того презрительнаго отношенія ко всему русскому, съ которымъ въ то время относились къ нашему отечеству европейцы. Цѣнныя же стороны европейской цивилизаціи—наука, истинное просвѣщеніе для массы воспитанныхъ по послѣдней модѣ русскихъ людей были словами безъ содержанія. Такимъ образомъ, подъ внѣшнимъ лоскомъ европеизма скрывалось доморощенное непроходимое

невѣжество. Крыловъ и его зло осмѣиваетъ въ своихъ басняхъ. Въ баснѣ «Пѣтухъ и жемчужное зерно» онъ изображаетъ вообще невѣждъ, для которыхъ пустякъ все, чего они не понимаютъ. Но невѣжество часто выходитъ изъ роли пассивнаго судьи непонятныхъ ему вещей; тогда оно дѣлается величайшимъ общественнымъ зломъ. Свиньѣ подъ дубомъ Крыловъ уподобляетъ тѣхъ невѣждъ, которые «въ ослѣпленьи *только* бранятъ науки и ученье», но въ баснѣ «Мартышка и Очки» указываетъ и на такихъ, которые имѣютъ возможность и подвергать гоненію то, что имъ не нравится. Такихъ невѣждъ было довольно во время Крылова.

Съ особенной живостью и полнотой Крыловъ изображаетъ недостатки русскаго стараго суда. Типическій образъ судьи, который только подписываетъ то, что подноситъ ему секретарь, занималъ, какъ мы видѣли, нашего сатирика еще въ раннюю пору его литературной дѣятельности. Этотъ образъ съ художественной законченностью нарисованъ въ басняхъ «Оракулъ» и «Вельможа». Содержаніе послѣдней басни авторъ замѣчательно ловко связываетъ съ современной ему дѣйствительностью. Вельможа, какъ извѣстно, за ничего—недѣланіе попалъ въ рай; по этому поводу Крыловъ замѣчаетъ:

«Вчера я былъ въ судѣ, и видѣлъ тамъ судью:
Ну, такъ и кажется, что быть ему въ раю».

Въ баснѣ «Слонъ на воеводствѣ» изображается судья «съ добрымъ сердцемъ»; но доброта судьи-слона оказывается очень тяжелой для бѣдныхъ овецъ. Слонъ разбираетъ жалобу этихъ послѣднихъ, что «волки—де совсѣмъ сдираютъ кожу съ нихъ». Какъ добрый судья, онъ, выслушавъ объясненіе волковъ, что они сбираютъ съ овецъ только легонькій оброкъ—по шкуркѣ съ его же, слонова, позволенія, рѣшилъ:

«По шкуркѣ, такъ и быть, возьмите,
А больше ихъ не троньте волоскомъ».

Образцемъ умнаго судьи представлена лисица въ баснѣ «Крестьянинъ и Овца». Лиса разбираетъ тяжбу крестьянина съ овцой, которая-де съѣла въ его курятникѣ двухъ куръ. Улика въ томъ, что «на дворѣ одна овца была». Несмотря на доводы послѣдней, что «никогда за ней не знали никакого ни воровства, ни плутовства», и что «сверхъ того она совсѣмъ не ѣстъ мяснаго», лиса постановляетъ:

«. . . . . казнить овцу,
И мясо въ судъ отдать, а шкуру взять истцу».

Могучимъ рычагомъ стараго судопроизводства была взятка. Вѣсы правосудія, конечно, склонялись на ту сторону, откуда она поступала въ большемъ размѣрѣ; слѣд., кто ничего не давалъ, тотъ не могъ даже иллюзіи питать на рѣшеніе дѣла въ свою пользу. Въ такомъ положеніи, разумѣется, должны были оказаться неимущія овцы и та мелкая рыбица, которая жаловалась въ судъ на щуку, что отъ нея житья нѣтъ въ прудѣ («Щука»). Искать справедливости въ высшихъ инстанціяхъ было трудно, какъ это показываетъ басня «Крестьяне и Рѣка». Правда, правительство издавна принимало разныя мѣры къ уничтоженію взяточничества; но зло такъ глубоко вкоренилось въ старый судъ, что не могло быть истреблено до тѣхъ поръ, пока существовалъ этотъ послѣдній. Конечно, и лисицѣ невсегда сходили съ рукъ ея продѣлки, какъ видно изъ басенъ «Лисица и Сурокъ» и «Рыбьи пляски», но потому она и слыветъ за хитрое животное, что всегда умѣла находить нужныя лазейки («Лисица-строитель»).

Въ нѣкоторыхъ басняхъ Крыловъ касается сословныхъ недостатковъ; таковы, напр., басни: «Гуси», «Листы и Корни», «Пушки и Паруса». Есть у него и такія басни, которыя относятся къ опредѣленнымъ историческимъ лицамъ и событіямъ; это — «Волкъ на псарнѣ», «Обозъ», «Ворона и Курица», «Щука и Котъ». Первая изображаетъ Наполеона въ Москвѣ

и его попытки вступить въ переговоры съ Кутузовымъ; вторая оправдываетъ медлительность дѣйствій Кутузова; въ третьей рисуются бѣдствія французовъ отъ голода, и, наконецъ, въ баснѣ «Щука и Котъ» указывается на причину, по которой адмиралъ Чичаговъ позволилъ Наполеону свободно переправиться черезъ Березину.

Изъ сдѣланнаго нами далеко неполнаго обзора содержанія басенъ Крылова вы видите, какъ оно обширно и важно. Не говорю уже о множествѣ заключающихся въ нихъ моральныхъ истинъ, которыя часто называются азбучными, хотя и невсегда сознаются нами въ надлежащей ясности и чистотѣ, въ басняхъ Крылова вы найдете богатый запасъ замѣчательно тонкихъ и вѣрныхъ наблюденій надъ человѣческой жизнью. Нашъ баснописецъ не только схватываетъ извѣстное явленіе во всей его жизненной правдѣ, но нерѣдко при этомъ даетъ почувствовать и его психологическую подкладку; припомните для примѣра хоть маленькую, граціозную басню «Лисица и виноградъ».

Кромѣ того, Крыловъ — одинъ изъ лучшихъ нашихъ *сатириковъ*. Сатира его отличается разнообразіемъ, мѣткостью и ясностью. Тѣ или другіе общественные недостатки онъ указываетъ съ совершенною опредѣленностью, несмотря на басенную форму своей сатиры; для доказательства достаточно указать на басни о воспитаніи и судѣ. Несомнѣннымъ также достоинствомъ басенной сатиры Крылова является *типическое* изображеніе отрицательныхъ явленій русской жизни. Въ этомъ случаѣ онъ примыкаетъ къ такимъ яркимъ звѣздамъ нашей сатирической литературы, какъ Фонвизинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, Салтыковъ. Типичность изображенія я понимаю въ смыслѣ художественной группировки въ одномъ образѣ существенныхъ, коренныхъ признаковъ цѣлаго рода жизненныхъ явленій. Съ теченіемъ времени, съ развитіемъ народа, съ измѣненіемъ условій его историческаго

существованія, многія изъ этихъ явленій вовсе не исчезаютъ, а только измѣняютъ свою внѣшнюю форму; при чемъ существенное, коренное въ нихъ остается. Вотъ почему Митрофанушка, Фамусовъ, Молчалинъ, Хлестаковъ и въ наше время служатъ нарицательными именами. Нѣкоторые звѣри басенъ Крылова, напр., волкъ басни «Волкъ и Ягненокъ», гуси, предки которыхъ Римъ спасли, свинья подъ дубомъ и др., сохраняютъ свое значеніе въ примѣненіи и къ современной намъ русской жизни.

Но величайшее достоинство басенъ Крылова—въ ихъ *художественности* и *народности*.

Басня возникла изъ первобытнаго эпоса, въ которомъ древнѣйшій человѣкъ выразилъ свои *наивныя* воззрѣнія на міръ животныхъ. Все, что говорилось о нихъ въ эпическихъ сказаніяхъ, составляло задушевныя вѣрованія человѣка и было чуждо какимъ бы то ни было предвзятымъ намѣреніямъ. Впослѣдствіи отдѣльные разсказы о животныхъ въ видѣ уподобленій начали примѣняться къ извѣстнымъ случаямъ жизни. Это—первая ступень въ развитіи басни. Во второмъ періодѣ своего развитія она дѣлается аллегорическимъ разсказомъ, все значеніе котораго состоитъ въ поучительномъ изъ него выводѣ. Въ этомъ видѣ басня состоитъ изъ двухъ частей: изъ вымысла и поученія, при чемъ первая часть имѣетъ второстепенную, служебную роль по отношенію ко второй. На эту послѣднюю баснописцы и обращали свое главное вниманіе. Истинно поэтическимъ произведеніемъ басня дѣлается въ третьемъ періодѣ своего развитія—у Лафонтена и Крылова. Оставаясь и у этихъ писателей поучительнымъ произведеніемъ, она поучительную мысль скрываетъ въ самомъ повѣствованіи, «ведетъ ее съ собою», какъ выразился Лафонтенъ, а не за собою и не передъ собою. Конечно, чѣмъ художественнѣе басня, тѣмъ плотнѣе и крѣпче ея идея должна сливаться съ ея *разска-*

зомъ и тѣмъ ощутительнѣе должна въ немъ обнаруживаться. На небывалую высоту художественнаго совершенства басня поднята Крыловымъ, почему онъ и считается величайшимъ баснописцемъ въ исторіи всемірной литературы.

Какъ на недостатокъ бесенъ Крылова, указываютъ на то, что онъ во многихъ изъ нихъ присоединяетъ къ поэтическому вымыслу поучительный выводъ изъ него, точно боясь, что этотъ вымыселъ недостаточно проникнутъ извѣстной сентенціей. Но это указаніе не имѣетъ серіознаго значенія, потому что поэтическій разсказъ въ басняхъ Крылова всегда интересенъ самъ по себѣ, независимо ни отъ какого извнѣ пристегнутаго къ нему моральнаго вывода.

Одна изъ трудныхъ задачъ баснописца—въ образахъ выводимыхъ имъ животныхъ сочетать въ одно гармоническое цѣлое два, по видимому, разнородные элемента—животный и человѣческій. Крыловъ блестяще разрѣшаетъ эту задачу. У него животныя являются съ особенностями своего характера, но въ то-же время вы видите въ нихъ и людей съ извѣстнымъ образомъ мыслей, съ извѣстными наклонностями и т. д. Возьмемъ для примѣра басню «Слонъ и Моська». При чтеніи ея въ вашемъ воображеніи невольно возникаетъ образъ сердитой, вертлявой собаченки; вы видите, какъ она мечется, визжитъ, лаетъ до охриплости; васъ смѣшитъ этотъ задоръ ея передъ огромной фигурой слона, который передъ толпой зѣвакъ «идетъ себѣ впередъ»... Но вотъ шафка останавливаетъ прыть раззадорившейся моськи: «Сосѣдка, перестань срамиться».... И вдругъ моська заговорила: «Эхъ, эхъ!... вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ» и т. д. Это заговорилъ уже человѣческій элементъ въ моськѣ, а между тѣмъ вы такъ увлечены образомъ собаченки, что и то, что она говоритъ, считаете совершенно соотвѣтствующимъ ея натурѣ. Другое животное не могло-бы сказать этого, но моськѣ, и при томъ въ ея положеніи, кажется, ничего другаго и сказать нельзя.

Читая подобныя басни (а у Крылова всѣ онѣ таковы), совершенно забываешь объ аллегоріи. Въ чистой аллегоріи вещественные предметы выступаютъ только отдѣльными, немногими своими признаками, *намекающими* на извѣстную мысль. Эта послѣдняя, такъ сказать, поглощаетъ живые образы предметовъ; оттого аллегорія сама по себѣ вовсе не поэтическій пріемъ. Въ басняхъ же Крылова мысль и конкретный ея образъ въ высшей степени гармонически слиты воедино. Кажется, не образы созданы для извѣстныхъ мыслей, а мысли найдены поэтомъ въ готовыхъ, созданныхъ имъ подъ впечатлѣніями жизни образахъ. Такъ оно и бываетъ въ истинно-поэтическихъ произведеніяхъ. Вотъ почему изображенія Крылова и отличаются такою *естественностью* и *правдой*. Онъ любитъ своихъ животныхъ, интересуется ихъ жизнью; для него міръ животныхъ—знакомый человѣческій міръ разнообразныхъ желаній, намѣреній, стремленій. Онъ является какъ-бы въ роли наблюдателя того, что такъ просто и естественно совершается передъ его глазами. Какъ-будто вовсе не онъ морализуетъ, а морализуетъ переносимая имъ въ басни жизнь. Оттого такъ *простъ, безыскусствененъ* его басенный разсказъ, оттого-же столько въ немъ—въ этомъ разсказѣ—*живости и картинности*. У Крылова, говоритъ Гоголь, «живописно все, начиная отъ изображенія природы плѣнительной, грозной и даже грязной, до передачи малѣйшихъ оттѣнковъ разговора, выдающихъ живьемъ душевныя свойства. Все такъ сказано мѣтко, такъ найдено вѣрно и такъ усвоено крѣпко вещи, что даже и опредѣлить нельзя, въ чемъ характеръ пера Крылова. У него не поймаешь его слога. Предметъ, какъ-бы не имѣя словесной оболочки, выступаетъ самъ собою, натурою передъ глаза. Стиха его также не схватишь. Никакъ не опредѣлишь его свойства: звученъ-ли онъ? легокъ-ли? тяжелъ-ли? Звучитъ онъ тамъ, гдѣ предметъ у него звучитъ; движется, гдѣ предметъ дви-

жется; крѣпчаетъ, гдѣ крѣпнетъ мысль, и становится вдругъ легкимъ, гдѣ уступаетъ легковѣсной болтовнѣ дурака. Его рѣчь покорна и послушна мысли и летаетъ, какъ муха, то являясь вдругъ въ длинномъ, шестистопномъ стихѣ, то въ быстромъ, одностопномъ; разсчитаннымъ числомъ слоговъ выдаетъ она ощутительно самую невыразимую ея духовность. Стоитъ вспомнить величественное заключеніе басни «Двѣ бочки»:

«Великій человѣкъ лишь виденъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму».

«Тутъ отъ самаго размѣщенія словъ какъ-бы слышится величіе ушедшаго въ себя человѣка».

Высокое достоинство басенъ Крылова—ихъ *народность*. Въ нихъ отразилась русская природа, русская общественная жизнь, русскіе люди съ ихъ нравами, обычаями, понятіями. И замѣчательно, что это народное содержаніе имѣютъ не только собственныя басни Крылова, но и тѣ, которыя переведены или передѣланы изъ иностранныхъ образцовъ (такихъ басенъ 44 изъ общаго числа ихъ 201). Кто можетъ, напр., не зная указанія французскаго писателя Флери, подумать, что сюжетъ басни «Демьянова уха» заимствованъ нашимъ баснописцемъ изъ стихотворенія Барба «La politèsse villageoise?»

Въ своихъ взглядахъ на вещи Крыловъ, по выраженію Гоголя, обнаружилъ «тотъ самый умъ, который сродни уму нашихъ пословицъ,—тотъ самый умъ, которымъ крѣпокъ русскій человѣкъ, умъ выводовъ, такъ называемый задній умъ». Уроки мудрости, которые Крыловъ предлагаетъ въ басняхъ, отличаются здравымъ смысломъ, полнымъ безпристрастіемъ и тою ясностью и простотой, которыя возможны только тогда, когда мысль непосредственно, такъ сказать, вытекаетъ изъ данныхъ, неподлежащихъ сомнѣнію фактовъ.

Такія качества принадлежатъ русскимъ пословицамъ, и многія изреченія Крылова обратились въ пословицы.

Языкъ басенъ Крылова - чистый русскій народный языкъ, съ его мѣткостью, бойкостью, благозвучіемъ и изобразительностью. Но въ рѣчи нашего баснописца онъ очищенъ отъ какихъ бы то ни было областныхъ шероховатостей и съ неподражаемымъ искусствомъ приспособленъ къ потребностямъ образованнаго ума и развитаго художественнаго вкуса. Совершенно въ духѣ народной рѣчи слогъ Крылова отличается ясностью, точностью и необыкновенной сжатостью: онъ не любитъ ничего лишняго; мысль у него рѣзко, отчетливо выражается въ немногихъ словахъ.

Въ общихъ чертахъ я указалъ несомнѣнныя достоинства басенъ Крылова. Вы видите, что, какъ сатирикъ-баснописецъ, онъ по праву занимаетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ исторіи русской литературы. Но значеніе его, какъ великаго писателя, не исчерпывается одними литературными достоинствами его произведеній: эти послѣднія чрезвычайно важны и потому огромному вліянію, какое они имѣли и имѣютъ на наше умственное, нравственное и эстетическое развитіе. Басни Крылова его біографъ очень удачно сравнилъ съ *Иліадой* и *Одиссеей* Гомера, о которомъ древніе писатели говорили, что онъ «каждому, и юношѣ, и мужу, и старцу, столько дастъ, сколько кто взять можетъ». Дѣйствительно, басни Крылова съ удовольствіемъ читаютъ дѣти и взрослые, простолюдинъ и образованный человѣкъ. По нимъ еще въ дѣтскіе годы мы научаемся отличать добро отъ зла, истину отъ лжи, полезное отъ вреднаго; по нимъ въ дѣтствѣ-же впервые, въ наглядной, осязательной формѣ, усваиваемъ тѣ общія правила жизни, которыми потомъ руководимся въ своихъ дѣлахъ и поступкахъ; по нимъ мы знакомимся съ драгоцѣнными свойствами народной души, съ народной многовѣковой мудростью,

по нимъ мы научаемся цѣнить и понимать изящное; по нимъ, наконецъ, мы учимся живому русскому языку, которому, помните, какое восторженное *стихотвореніе въ прозѣ* посвятилъ Тургеневъ? Не могу воздержаться, чтобъ не привести его здѣсь. «Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбѣ моей родины,—ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! Не будь тебя,—какъ не впасть въ отчаяніе при видѣ всего, что совершается дома? Но нельзя не вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!» ...

Конечно, общественно-воспитательное значеніе писателя тѣмъ шире и могущественнѣе, чѣмъ доступнѣе онъ народу. Крылову принадлежитъ въ этомъ отношеніи первое мѣсто въ ряду русскихъ писателей. Къ нему болѣе, чѣмъ къ кому-либо другому, проторена «народная тропа». И тѣмъ не менѣе, не преувеличивая воспитательнаго значенія для народа басенъ Крылова, надо сказать, что большая часть народной массы и до сихъ поръ не знаетъ своего баснописца. Слѣдовательно, за нимъ остается еще великое будущее—быть учителемъ и воспитателемъ русскаго народа во всемъ его объемѣ.

В. Штепенко.

Керчь.
1894 года Ноября 9 дня.

2010515028